

УДК 821.111
ББК 84(4Пол)
Г45

Серия «Легендарные фантастические сериалы»

Jarosław J. Grzędowicz
Pan Lodowego Ogrodu. Tom 2

Публикуется с разрешения автора и при содействии Владимира
Аренева и Сергея Легезы

Перевод с польского: *Сергей Легеза*

Дизайн обложки *В. А. Воронина*

В оформлении обложки использована иллюстрация

Михаила Емельянова

Г45

Гжендович, Ярослав

Владыка Ледяного сада: В сердце тьмы / Ярослав
Гжендович.— Москва: Издательство АСТ, 2018.—
571, [1] с.— (Легендарные фантастические сериалы).

ISBN 978-5-17-106005-3

В Земле Огня, разоренной армией безумца, нет пощады, нет милосердия, монстры с полотен Босха ходят среди людей, а мертвые не хотят умирать окончательно. Близится Война Богов, в которой смерть — еще не самая страшная участь, Вуко Драккайнен — землянин, разведчик, воин — понимает, что есть лишь единственный способ уцелеть в грядущем катаклизме: разгадать тайну Мидгарда. Только сначала ему надо выбраться из страшной непостижимой западни, и цена за свободу будет очень высокой. А на другом конце света принц уничтоженного государства пытается отомстить за собственную семью и народ. Странствуя по стране, охваченной религиозным неистовством, он еще не знает, что в поисках возмездия придет туда, где можно потерять куда больше того, чего уже лишился; туда, где гаснут последние лучи солнца. В самое сердце тьмы.

© 2007 by Jarosław J. Grzędowicz

© Сергей Легеза, 2017, перевод

© Михаил Емельянов, иллюстрация, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2018

Глава 1

ДРЕВО

Знаю, висел я
в ветвях на ветру
девять долгих ночей,
пронзенный копьем,
посвященный Одину,
в жертву себе же,
на дереве том,
чьи корни сокрыты
в недрах неведомых.

*Речи Высокого*¹

Знаешь, что такое ад? Ад — это два подернутых туманом хребта, что жмутся друг к другу, словно ягодицы. Это все те же рваные линии гор, затянутые голубоватой дымкой. Это видимые вдали два пятна леса, взбирающегося по склонам, пылая царскими красками осени. Это семьдесят три хвойных куста, скрученных, будто они вышли из-под рук мастера бонсай. Это рассыпанные окрест бело-серые глыбы меловых скал, синеватые, как порченное мясо. Это искрящиеся плевки снежных шапок на вершинах. Это чудненький, словно прямо с открытки, горный пейзажик, который становится для тебя всем. Неизменный, скучный и красивый. С открытки, вдруг получившей роль вселенной.

---

¹ Цитаты из «Старшей Эдды» даны в переводе А. И. Корсуна.

Это заключенные в слоях дерева вечные гнев и ярость. Это пересохшее деревянное горло, которое не ведает крика. Это и есть ад.

Это выющиеся, подобно червям, корни в каменистой горной земле, в отчаянном поиске хотя бы горсти питательного перегноя среди кислых и хрупких, как ногти трупа, плиток сланца. Это пахнущий липкой сладостью свет солнца.

Это торчащий в деревянных внутренностях узкий кованый наконечник. Это чужая мертвая ветка, пробиравшая ствол, будто застывшая молния.

Это молитва о грозе. О внезапном приходе электрического освобождения, громе, пепле и огне.

Это и есть ад.

Быть деревом.

Страшно... страшно... страшно...

* * *

Он появляется внезапно, прямо из осеннего тумана. Выныривает из-за края, бледное лицо рассечено зигзагом татуировки, выпученные черные глаза поблескивают в беге узкими полосками белков. Засохшие брызги крови на щеках и лбу.

Он хватается за корень и обломок скалы, пытается взобраться выше, но что-то тянет его вниз. Он молод. Ему лет семнадцать, и он крайне, смертельно испуган. Уже не обращает внимания, что слезы ручьями текут по лицу, что изо рта вырывается скулеж. Его заботит лишь неведомая сила, что тянет вниз, в пропасть.

Причина банальна. Бурый плащ, застегнутый на плечах серебряной фибулой с мотивами танцующих змей, зацепился за корень. Но парень тонет в приливах паники. Может лишь бессильно дергаться, переть впе-

ред, как запряженный конь. Секунды текут меж пальцев, ручейки крови из раны на лбу бегут по щекам.

Парень... По здешним стандартам, он уже давно взрослый. Он воин. Рожденный с убийственным железом в руках, качаемый в люльке под песни о героях, закаленный видениями собственной героической гибели. И все же теперь он плачет, сражается с плащом, зацепившимся за корень, поскольку вблизи все выглядит иначе, чем в песнях. Собственная смерть, увиденная в упор, кажется вонючей, обычной и болезненной. Не будет трогательно-прекрасной гибели, достойной песни. А более всего — невозможно принять, что уже все. Что теперь. Сейчас. Навсегда.

Стрела с ядовитым шипением втыкается в сланцевую глыбу рядом с ладонью парня. Слышен сдавленный короткий вскрик, молодой наконец находит сплетенных серебряных змеев, давящих его глотку, и дергает застежку. Плащ падает со спины, фибула летит в пропасть, отскакивает от камня, а воин-подросток ползет на четвереньках по крутой тропке, цепляясь за кусты и скалы.

Они приближаются.

Слышны гортанные проклятия и частое дыхание. Слышен скрип толстых кож и звяканье стали.

Еще одна стрела вылетает из долины и порскает над самой головой беглеца, гудя, как рассерженный шершень.

Они приближаются.

Трое.

Они не носят красно-черные татуировки на руках и лицах, у них нет зачесанных к затылку, пропитанных дегтем косичек. Под очковыми наносниками шлемов и угловатыми нащечниками видны коротко подрезанные бороды.

Они кричат в его сторону, триумфально, хрипло. Из ртов вылетает пар, клубится в ледяном воздухе осени. Один перегибается за обрыв и кричит кому-то вниз; эхо скачет горами. Они смеются, глядя, как парень ползет на четвереньках вперед, как пытается побежать, но спотыкается, падает и снова ползет.

Тот первый, большой словно гора, снимает шлем и осторожно кладет его на землю, потом расстегивает плащ, высвобождая новые клубы пара, поднимающиеся из-под ламеллярного панциря. Снова кричит, издевательски, задорно — и неторопливо вынимает меч. Слышен стальной протяжный скрежет железа, великан распрямляется и словно гимнаст шевелит плечами, в его спине что-то похрустывает.

Парень беспомощно хватается за пустые ножны у пояса — напоминание об утраченном оружии, но продолжает ползти вперед, слепой и глухой от ужаса.

На миг он поднимает взгляд и видит Ствол. Распахивает рот и глаза еще шире; на его лице выражение недоверия и крайнего ошеломления. Кажется, он нашел нечто, что искал давно. На несколько секунд забывает о настигающих его преследователях и ведет взглядом вдоль толстого Ствола, скрывающего человеческую фигуру с широко раскинутыми руками. Между Ветвями виден нарост, похожий на голову с обезображенным болью лицом, а посередине Ствола торчит серебристое древко ясеневого копья.

Длится это очень недолго.

Хриплый крик заставляет беглеца упасть на землю. Последние секунды жизни, вытекающие, словно пиво из разбитого кувшина. Преследователи, расслабленные, но бурлящие адреналином, снова ему кричат. Финал мучительной погони. Его уже поймали. Осталось всего пару шагов. Конец.

Сейчас его прикончат.

Резня у корней Древа.

Прикончат его, а потом сойдут в свои долины, к своим рекам и озерам. Разожгут огонь и напьются октябрьского пива, смеясь и хлопая друг друга по спинам. Запахнет жаркое, пение и хохот живых взлетит под потолок.

Принесут цепи, смазанные драконьим маслом, и станцуют свой танец огня. Нагие, размалеванные дикими узорами девушки с волосами, спрятанными под платки, станут крутиться в пламени, прыгать среди прирученного жара, обметать гибкие тела косицами огня.

А его уже не будет.

Никогда.

Он боится Древа, но меньше, чем вечного мрака, заклятого в стали преследователей. Вскakiвает на ноги, двумя прыжками оказывается у Ствола и отчаянно дергает ясеневое древко. Вросшее в ствол копье неподвижно, как родная ветка.

Они окружают парня полукругом, смеются, покрикивают на него. Кто-то со вздохом садится на камень и отстегивает от пояса пузатую, обшитую тюленьей шкурой флягу. Другой втыкает меч в землю и потягивается, массируя заболевшую поясницу.

Верзила движется на парня танцующим шагом, из-за его спины доносятся ироничные советы, вызывающие взрывы смеха.

Меч в пальцах великана танцует, клинок чертит круги и восьмерки, рукоять умело обращается в спокойной руке. Акробатика. Шутовство.

Воин двигает бедрами, его ноги выполняют боксерский танец, склоненное тело колышется вместе с клинком — непросто поверить, что огромный мужчина

может двигаться так легко и ловко. Он словно горная горилла. Большой, косматый и brutальный.

Короткий выпад, финт, уклонение, притворный удар в голову.

Парень заслоняется руками, втискивается спиной в Ствол, сползает по нему на землю. На его штанах вдруг расплзлось мокрое пятно.

Противник завершил танец с клинком, выставленным горизонтально, опирающимся в хребет второй ладони. Раскрывает руку, приглашающее машет лежащему: «Ну, подходи».

Беглец вьется, как змея, вокруг Ствола, ползает по мху и сохлому папоротнику, шаря ладонями, будто слепец. Что-нибудь. Хотя бы камень.

Огромный воин медленно приближается, вздыхает, качает с неудовольствием головой. Беспомощно разводит руками и бросает свой меч стоящим сзади, после чего дважды хлопает в ладоши, словно пытаясь разбудить противника, и снова приглашает его жестом, на этот раз — пустых рук: «Ну, подходи, меча уже нет».

Но — с тем же эффектом. Худой парень не желает бросаться с голыми кулаками на стокилограммовую гору жилистых мышц. Адреналин наполняет его ноги свинцом, страшная, смертельная усталость затапливает легкие, как бетоном.

Гигант разочарованно опускает руки и идет длинными шагами, чтобы ухватить парня за загривок и выволочь из кустов, словно котенка. Это перестает быть смешным.

Большая ладонь тянется и хватает за ворот черной куртки как раз в тот миг, когда отчаянно шарящие пальцы натываются среди мха, листьев и сухой горной травы на нечто продолговатое. Уплощенный цилиндр,

обмотанный прекрасно прилегающей к руке плетеной тесемкой.

Рукоять универсального меча разведчика. *Синоби-кэн* фирмы Nordland Aeronautics.

После рывка за плечо парень подлетает вверх, разом встав на трясущиеся ноги. И тогда раздается шипение мономолекулярного клинка. А потом воздух прошивает блеск и в холодном осеннем воздухе раздается хруст разрубаемой плоти.

Гигант отпускает противника и медленно поворачивается к своим онемевшим, сидящим на камнях товарищам, показывая белое, меловое, неподвижное лицо, а потом из него вдруг бьет фонтан крови. Его грудь разделяется вдоль тонкой косо́й линии, открывая разъявленное, черно-красное нутро.

Мужчина делает слепой, неуверенный шаг в неизвестность и валится лицом вперед, как срубленное дерево.

Все немеют.

Сгорбившийся парень — выставив поблескивающий мономолекулярный клинок, по которому катятся и падают на землю капли крови, открывая сверкающую, чистую поверхность.

Воины сидят на камнях: один — замерев с наклоненной флягой в руке, вода льется ему на сапоги, второй — в испуге закусив кулак.

На ноги они вскакивают одновременно. Блеск стали, звон клинков и быстрое, размазанное движение.

Крик.

Резкий, внезапный крик боли. Один из нападающих вдруг переламывается пополам, хватаясь за горло. Между его пальцами брызгает ручеек светлой, пульсирующей крови. Второй отскакивает, со страхом и недоверием глядя на обрубок меча в руке. Не может

поверить, что панический, неловкий блок противника перерубил его клинок словно сухую ветку. Отбрасывает оружие и молниеносно хватается за воткнутый в землю, осиротевший меч бородача.

Парень рубит наотмашь, кое-как, неловко управляясь со слишком коротким мечом со странной рукоятью и непривычным балансом.

Второй издает короткий звериный рык, его правая ладонь падает на мох, словно отброшенная перчатка, но крови еще нет. Он хватается оружием левой рукой и бросается на парня, сбивая его с ног. Оба тяжело валятся на землю, спина нападающего, в полукожухе, украшенном на спине вышивкой из трех танцующих в круге языков пламени, судорожно вздрагивает, а посередине, над самым вышитым знаком, торчит прямо в небеса клинок — по нему стекает кровь, открывая чистую, посверкивающую поверхность.

Тишина. Слышно лишь, как рядом, царапая сапогами каменистую почву и впиваясь пальцами в сухой осенний дерн, умирает тонущий в собственной крови человек.

А потом наступает тишина.

Парень с трудом отваливает труп в сторону, освобождается от его хватки, разжимая стиснутый на его куртке кулак, палец за пальцем. После чего встает, наступает противнику на грудь и, посапывая, вырывает из нее клинок.

Недоверчиво смотрит на него, а его ноги вдруг подгибаются, и парень тяжело садится на мох.

Меч трясется в руках, по всему телу пробегают судороги, молодой склоняет голову и начинает плакать. Станным сухим рыданием, которое подбрасывает его некрупное тело. Рыданием, что постепенно превращается в истерический смех.

Стоит так, на коленях, с запрокинутой головой, поднимая в окровавленных руках меч разведчика, *синоби-кэн* фирмы Nordland Aeronautics. Хихиканье, что рождается из плача, перерастает в победный рык. Писклявый и странный, он кончается гремящим шипением, которое могла бы издать гигантская рассерженная змея.

Парень встает на ноги и смотрит на забрызганную кровью скалу, вдруг порыжевший круг серой осенней травы и три трупа рядом.

Откладывает в сторону меч, трет руками траву, скользкие красные камни вокруг мертвого гиганта, а потом прикасается к собственному лицу и в полупоклоне подходит к Стволу, чтобы оставить на нем отпечатки своих окрашенных рук. Стоит в траве и шарит ладонями, пока не отыскивает одиноко лежащие ножны. Меч со щелчком возвращается домой, парень берет оружие, но не знает, как приторочить его к поясу. Наконец закидывает меч на плечо, словно лопату, и уходит узкой тропкой.

В противоположную сторону, чем та, откуда он пришел.

Остается только Древо, забрызганные скалы вокруг и три трупа Людей Огня. Две вершины, жмущиеся друг к другу, словно ягоды. Снежные плевки на верхушках гор. Крик ворона в холодном осеннем воздухе.

Одеревеневший гнев, замерший в слоях и волокнах древесины.

Близится ночь.

А ночью приходят волки.

Порой между горами виден дым. Столпы черного дыма, пересекающие осеннее небо. Ночью вершины подкрашивает оранжевый отблеск огня. Порой ледяной

осенний воздух доносит далекий крик. А порой — только карканье ворон.

* * *

Видны два пятна леса, взбирающегося по склонам, пылая царскими красками осени. Семьдесят три хвойных куста, скрученных, будто они вышли из-под рук мастера бонсай. Рассыпанные окрест бело-серые глыбы меловых скал, синеватые, как испорченное мясо. Искрящиеся плевки снежных шапок на вершинах.

Виден ад.

Тропинка идет резко вниз, где-то там, вне поля зрения, за границей вселенной. Но она не настолько отвесна, чтобы решительный человек не сумел ее покорить. Даже крепкий карлик может уговорить свои кривые ножки на такое усилие, заставляя одолеть горный путь и впряженного в тележку осла, похожего на уродливую помесь окапи и жирафа.

Он привязывает вожжи к одному из семидесяти трех скрученных хвойных деревьев. Вороны, выковыривающие остатки из уже разодранных волками трюпов Людей Огня, взлетают хлопающей черной тучей и возмущенно каркают. Карлик присаживается на синей меловой скале и вытягивает из кармана тряпочку, в которую завернуты кусок копченого сыра и нечто, напоминающее черный помидор. Отрезает кусочек сыра и забрасывает на кончике ножа себе в рот, а потом осторожно откусывает от черного плода.

Минутку жует в молчанье.

— Это ловко, так спать в дереве, когда мир пылает. Отрезает еще кусочек сыра.

Не похоже, что трупный запах и мертвецы хоть немного ему мешают.

— Говорю, это ловко. Я дал тебе хорошее имя, Спящий-в-Дереве. Ты говоришь, что предпочитаешь странствовать ночью. А я тебе говорю, что ты предпочитаешь, чтобы на тебя срали вороны. Предпочитаешь искать воду между камнями и ждать, пока осветит тебя солнце. Знаешь, по чему видно дурака? По тому, как он закончит, Спящий-в-Дереве.

Снова кусает чернѣй плод, потом, охая, копается в карманах, пока не находит небольшую плитку соли, которую давит на камне рукоятью ножа. Плод, посыпанный грязной солью и наверняка украшенный муравьями, становится куда лучше.

— Ты видел, что такое Деющий. Видел живые тернии из железа. Видел движущийся замо́к с миллионом клинков и колес. Видел людей, заклѣтых в деревья и камни. Видел тварей из холодного тумана. И что? Ты ведь наверняка отправился с ним говорить? Сказал, что заберешь его за море домой? Может, напомнил ему о делах, которые остались там, в далеких краях? А может, ты решил взять его за загривок и отнести на то место как щенка, который вылез из псарни?

Карлик съедает плод до конца, тщательно заворачивает сыр в тряпицу и прячет нож. Со стоном встает, вытирает ладони о штаны.

— А теперь мир пылает — или встанет в огне через миг. Ты сидишь в Стволе и думаешь, как бы произвести на свет желуди. Деющий делает, что пожелает, и вскоре задумается над тем, что пора отыскать твое дерево. Это близко. Ничего не улучшилось, но сделалось еще хуже, — он поднимает ладонь и направляет ее в сторону вершин, что прижимаются друг к другу, словно ягоды, туда, куда указывает длинная тень дерева. Тень, выглядящая словно нож. — Смотри на восток, Спящий-в-Дереве. Смотри на дым горящих селений. Слушай

Крысиного Музыканта, который ночью вызывает детей из домов. Смотри, как дикие звери тянутся за голосом его флейты, прямо под ножи Башни. Цена соли уже выше цены золота. Змеям нужно много мяса, а это значит, когда пройдет зима, они двинутся на Побережье. Сиди в дереве и смотри. Смотри, как встает война богов, после которой наступит иной мир. Приходит время неволи. Время трупов, Змеев и волчьего воя. Настанет рассвет, на который не захотят взглянуть даже деревья.

Он идет к своей одноослиной повозке, поднимает грязный брезент и роется среди узелков, бочоночков и тючков. Наконец поворачивается и показывает короткий, массивный топор с широким клинком и массивным обухом.

«KILL ME».

Древо не двигает и Ветвью. Древа не могут двигаться, разве что подует ветер. Древо неподвижно. Оно погружено в мертвенность древесины. Оно — одеревенелый гнев. Оно — трухлявеющее отчаяние.

Древо — это дерево.

Карлик еще раз вытирает ладони о штаны и с усилием поднимает топор.

А потом разворачивает его и лупит обухом по концу торчащего из Ствола серебристого ясеневоего копья, словно заколачивая гвоздь. Глухой, деревянный стук прошивает молчание ледяного воздуха осени. А потом — снова и снова.

Где-то высоко каркает ворон. Через какое-то время слышен скрип, звучащий словно отчаянный, протяжный стон. Трещат зажатые вокруг древка волокна лыка и белые слои древесины. По гладкому Стволу с отпечатанными кровавыми следами ладоней ползет ручеек сока. Копье начинает двигаться, все глубже втыкается в Ствол.

Не слышно отчаянного, дикого крика, ничего не отражается эхом, не летит над горами. Дерево молчит.

Дерево — это дерево.

Копье входит в ствол все глубже, по самый разбитый обухом кончик древка. Воронова Тень откладывает топор и обходит Ствол. Упирается ногой, стонет от усилия, но деревянный прут сидит крепко. Его держит вся сердцевина Ствола. Карлик дергает древком вверх-вниз. Осторожно, но сильно. Стараются расшатать твердый ясеневый кол в ране Древа, словно больной зуб, однако не хочет его сломать. Не слышно стонов, криков, рыданий и мольбы о пощаде.

Дерево — это дерево.

Деревья не кричат.

Слышен только треск лопающихся волокон. Карлик падает на спину, копьё катится по земле.

— Я продаю деющие предметы,— поясняет он, вставая на ноги.— Не знаю, что оно может сделать, но я чувствую, что в нем есть сила. Может, ввергнет владельца в несчастье, а может — оно никогда не промахивается, если бросить его во врага. А может, оно превратит его в дерево? Назову его Копьем Дураков.

Вертит копьё в руке, сует его одним концом под мышку, а потом смотрит вдоль древка. Наконец упирает его в землю и большим пальцем критично проверяет состояние наконечника.

— Ты некогда просил совета, Спящий-в-Дереве. И сейчас я дам тебе совет. Ты больше не сыграешь со мной на него в «короля». Ты проиграл свою партию. Но знаешь, что сделать, чтобы выиграть, когда уже проиграл?

Карлик вбрасывает копьё в тележку и сует его между узлов, но древко торчит наружу, выступая из короткого ящика. Стоило бы обвязать его красной лентой.

— Тогда нужно сбить фигуры и расставить их снова. Когда проиграл — выиграть можно, только начав сызнова.

Он садится под своей повозкой, опираясь о колесо, и поигрывает топором, перебрасывая его с колена на колено.

— Дам тебе совет. Послушай, может, будет тебе с него толк, хотя я сомневаюсь. Никто не сможет вытащить тебя из дерева, точно так же, как никто не мог показать Деющему с рыбьими глазами, как оживить железные тернии. Он шел по стране в одной куртке, даже без меча. Ходил, где хотел, а теперь ему кланяются сотни Людей Змеев. Он сидит в своем железном дворе из кос и топоров, а ты спишь в дереве, и на тебя мочатся волки. Отчего так случилось? Чем он отличается от тебя? Вы настолько отличались там, откуда прибыли? Он приказывает туману, лепит из него тварей и наводит на Змеев безумие, а ты хочешь справиться с ним, выхватывая меч? Вы оба — извне. И ты, и он. Он поколебал равновесие мира. Он — словно нож, воткнувший в доску для «короля». Когда люди играют с высокой ставкой, порой кто-то тянется за железом. Льется кровь, и кто-то забирает деньги. Но выиграл ли он партию? Идет война богов. Есть те, кому она на руку. И есть те, кто желает, чтобы мир снова стал доской для «короля», а не схваткой на ножах. Они будут советоваться о тебе, но их советы тебе не пригодятся, пока ты спишь в дереве. Ты должен проснуться. Или торчи здесь и жди, пока Деющий с рыбьими глазами обольет твой ствол драконовым маслом. Проснись, Спящий-в-Дереве. Таков мой совет.

Он отвязывает своего жирафьего окапи и распутывает вожжи. Колеса телеги поскрипывают, она осторожно катится по отвесной тропке. Воронова Тень двигает-